

УДК 339.1-054.6 + 339.5(470) + 339.5(510)

Е. О. Полякова

БУХАРСКИЕ КУПЦЫ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ XVII в.

Рассматриваются история развития торговых отношений между Российским государством и Китаем, интенсивность торгового движения по разным дорогам, значимость торговых маршрутов, объем товаров, их ассортимент. Анализируется роль бухарских торговцев и русских купцов в развитии торговых связей с Китаем.

Ключевые слова: русско-китайские торговые отношения; бухарские купцы; торговые караваны.

Отношения между Россией и Китаем всегда были важнейшим фактором развития обеих стран. Необходимость двусторонних торгово-экономических отношений обуславливалась естественно-географическими и историческими факторами как на общегосударственном, так и на региональных уровнях. Взаимодействие двух держав было объективно обусловлено их географической близостью. Изменить или просто игнорировать это положение невозможно. Волею судеб Россия непосредственно граничит с Китаем, выступая в роли моста между Востоком и Западом и одновременно своеобразного форпоста, призванного соединять воедино весь огромный евро-азиатский материк.

Однако не нужно забывать, что времени установления регулярных торговых и дипломатических контактов предшествовал длительный период «постыжения» друг друга. В этом плане определенная роль отводится Сибирскому региону как своеобразному плацдарму, «посреднику» в становлении русско-китайских отношений.

Особенно значимым в этой связи становится изучение начального этапа взаимодействия двух государств, предшествовавшего установлению регулярных торговых и дипломатических связей России с Поднебесной. Это был этап поиска основ для дальнейшего диалога.

Одними из носителей этого диалога цивилизаций и культур стали выходцы из Средней Азии — сибирские бухарцы¹, переселявшиеся в районы Западной Сибири в XV—XVII вв.

В ранние периоды своего пребывания в Западной Сибири они рассматривались царским правительством как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Начало переселения бухарцев связывается с приходом в Сибирь в конце XIV в. среднеазиатских проповедников ислама из ордена бухарского мистика Багауддина Накшибэндия (1318—1389) с целью распространения новой религии [см.: Валеев, с. 23].

После вхождения Сибирского ханства в состав Российского государства начинается оседание бухарцев на постоянное местожительство в Сибири [см.:

¹ Бухарцы — собирательное наименование узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов.

Там же]. Основным местом их расселения были территории современных Тюменской, Омской, Томской областей. Здесь они основали свои («бухарские») селения, а также жили в аулах вместе с сибирскими татарами. Бухарцы на протяжении нескольких столетий поддерживали тесные экономические, культурные, семейно-брачные отношения с татарами, явившись одним из составных компонентов этнического формирования современных сибирских татар [см.: Там же, с. 24].

Приезжие бухарцы достаточно легко вошли в систему экономических отношений сибирских городов. Их важнейшим занятием была торговля, как караванная, так и местная. Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией существовали издавна. Бухарцы как торговцы были известны далеко за пределами региона, выезжали с караванами в Китай и доходили до Астрахани, низовой Оби, где выменивали «мягкую рухлядь» на предметы восточного ремесла.

Борьба Московии с Кучумом привела к некоторому расстройству регулярных сношений Западной Сибири со Средней Азией. Сибирь же в конце XVI — начале XVII в. не располагала своей сколько-нибудь значительной земледельческой и промышленной базой и объективно не могла полностью не только прокормить, но и одеть появившихся там русских. Москва была слишком далеко, чтобы заменить прежние связи этого края со Средней Азией. Поэтому русским приходилось думать об установлении торговых связей с бухарцами с первых дней своего появления в Сибири.

Чтобы привлечь бухарцев в Русскую Сибирь, московское правительство предоставляло им значительные торговые льготы. В царском Наказе второму тарскому воеводе Федору Борисовичу Елецкому и голове Василию Михайловичу Хлопову от 10 февраля 1595 г. говорится: если «торговые люди учнут приезжать в новый город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товары и с лошадьми и з животиною», то не только у тех «торговых людей велети служилым людям всякие товары и лошадеи и животину покупати», но «и береженье к торговым людем, к бухарцом и ногаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпускати не издержав» [РГАДА, ф. 105, оп. 2, л. 2—2 об.]. Согласно данному наказу бухарцам разрешалась свободная торговля на Таре и свободный проезд для торговли в Тобольск и Тюмень. «Исторговавшихся» бухарцев приказано было не задерживать, а снабжать необходимым продовольствием, деньгами, нарядом и «пушечным запасом» и отпускать в Бухару [см.: Там же, л. 2 об.—3].

Из грамоты тюменскому и тарскому воеводам от 31 августа 1596 г. явствует, что бухарцам и ногайцам был разрешен не только свободный, но и беспошлинный торг «за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже» [Там же, л. 4—4 об.] с ограничением лишь в отношении заповедных товаров. Отметим, что в состав заповедных (запретных для свободной закупки) товаров еще не входили дорогие сибирские меха, издавна получаемые приезжими бухарцами из прежнего Сибирского царства. Беспошлинная торговля предоставлялась приезжим бухарцам и во всех прочих сибирских городах без всякого стеснения сроков их пребывания «до тех мест, как они товары свои испродадут» [Там же]. Только на рубеже XVI—XVII вв., в царствование Бориса Годунова, число

заповедных товаров было расширено включением сюда лучших сортов мягкой рухляди — «соболей и лисиц черных и бобров лутчих» [Там же].

Московское правительство и в помыслах не имело оставлять сибирские города без бухарских товаров, что привело бы к ослаблению усилий русского народа по освоению Сибири. Поэтому оно вынуждено было не только смириться с торговлей бухарцев с Кучумовичами, но даже ассигновать из сибирской казны определенную сумму на расходы по приему среднеазиатских купцов. В Указе царя Бориса Федоровича Годунова 1599 г. говорится о взятии денег «с кабака вина, меда, хмеля и солода на всякие расходы для выездных бухарских торговых людей» [Акты исторические, с. 137].

Однако беспошлинная торговля в Сибири приезжих бухарцев, как и купцов с Руси, продолжалась только до первых успехов сибирской торговли, земледелия и ремесла. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами, царское правительство, в целях увеличения своих доходов, стало вводить там таможенную систему. Точными и определенными сведениями о времени появления в Сибири таможенных пошлин мы не располагаем. Однако на основании сопоставления двух документов — царского наказа тарскому воеводе Федору Елецкому от 10 февраля 1595 г. и царской грамоты, выданной 31 августа 1596 г. [Валеев, с. 15—153] тюменскому воеводе Григорию Долгорукому, можно заключить, что мысль о введении таможенных пошлин в Сибири возникла именно между этими датами. «Десятая» пошлина в Сибири была введена по грамоте царя не позднее 20 сентября 1597 г.

По сравнению с собственно российскими купцами приезжие бухарские купцы стали облагаться «десятой» пошлиной несколько позже. Произошло это примерно в самом начале XVII в. В Тобольске и Тюмени с приезжих бухарцев взималась «десятая» пошлина, как пишет туринский воевода И. Н. Годунов в своей отписке от 26 декабря 1609 г. верхотурским воеводам С. С. Годунову и И. М. Плещееву, одинаково как с привозимых, так и с закупленных ими товаров, «потому что они ходят издавна» [ДАИ, 1848, с. 92].

Последующие события Смутного времени, польско-шведская интервенция и вызванное ею экономическое разорение страны отрицательно сказались на снабжении Сибири всем необходимым «с Руси». Были годы (1610, 1611), когда Сибирь почти ничего не получала из-за Урала. В это время экономическая необходимость диктовала расширение торговых связей со Средней Азией и другими восточными странами. Русское правительство вынуждено было пойти на сокращение таможенного обложения восточных товаров. Это нашло выражение в замене «десятой» пошлины с ввозимых товаров «двадцатой» пошлиной. «Двадцатая» пошлина с привозимых в Сибирь среднеазиатскими купцами товаров взималась обычно натурой. Когда именно это произошло, мы не знаем, но в 1622 г., как свидетельствуют источники, она уже существовала.

В конце XVII в. положение бухарцев несколько изменилось. Сибирский таможенный устав 21 ноября 1698 г. повелевал товары бухарцев, калмыков, монголов, приходивших в Сибирь с посольствами восточных государей, обкла-

дывать «десятой» пошлиной, а вывозимые ими товары — «двадцатой» [см.: ДАИ, 1945, с. 315].

Одновременно с этим был расширен состав заповедных товаров включением в него наряду с дорогостоящими соболями, бобрами и лисицами также золотых монет, ружей, свинца и пороха [см.: Там же, с. 361]. Необходимо уточнить при этом, что приезжие бухарцы, приобретавшие на тобольском рынке «русские» и сибирские товары не на «товарные деньги»², а «сверх» их, обязаны были платить «десятую» пошлину. Платили они и «поанбарную», и «головщину», и посаженную, и проезжую пошлины [см.: Там же, с. 362]. Данные меры свидетельствуют о стремлении правительства оказать содействие собственно русскому купечеству, несколько ограничив торговые привилегии бухарцев.

Таким образом, на протяжении всего XVII в. приезжие бухарцы, получившие большие торговые льготы и лично заинтересованные в развитии своего посредничества в торговле России с Востоком, стали часто навещать сибирские города. В Тару, Тобольск, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск они приходили целыми караванами. Здесь караваны обычно разделялись, и в другие сибирские города бухарцы разъезжались отдельными небольшими группами.

В Тобольске, который в XVII в. был центром русско-бухарской торговли в Сибири, среднеазиатские торговые караваны обычно появлялись в осенние месяцы (сентябрь — ноябрь). В феврале, мае, июле, августе и декабре караваны приходили реже. И совсем не приходили в январе, марте, апреле и июне. Подобное распределение было связано со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи. Кроме того, они хотели успеть в Тобольск ко времени массового приезда в него торговцев из азиатской и европейской частей России

В Тару бухарские караваны прибывали также преимущественно осенью (сентябрь, октябрь). Количественный состав караванов колебался от 8 до 25 приезжих бухарцев [см.: Курц, 1915, с. 165].

В Тюмень, Томск, Красноярск и Иркутск также приходили бухарские караваны, но сведения об этом довольно скудны. Известно, что «на Москве» по повелению царя Федора Ивановича 31 августа 1596 г. была написана грамота «на Тюмень» воеводе князю Григорию Долгорукому «с товарищы» о создании благоприятных условий для развития торговли бухарцев и ногайцев в Тюмени [см.: Там же].

При этом происходило постепенное смещение торговли с запада на восток. Так, в Тюмень, Тобольск, Тару бухарские караваны, используя издавна существовавшую торговую дорогу из Средней Азии через Западную Сибирь в Восточную Европу, стали приходиться с конца XVI в., в Томск — несколько позднее, в Красноярск — с начала 70-х гг. XVII в., а в Иркутск лишь в 1684—1687 гг.

Появление бухарских караванов в Красноярске и Иркутске можно, вероятно, расценивать как попытку вступить в конкуренцию с русским купечеством на новых путях из Восточной Сибири в Монголию и Китай. Статистическая

² Товарные деньги — деньги, вырученные от распродажи обложенных «двадцатой» пошлиной привезенных бухарских товаров.

обработка данных таможенных книг Тобольска показала, что за период с 1639 по 1671 г. проезжавшими через Тобольск бухарцами ввозились восточные товары около девяноста наименований. При этом на долю среднеазиатских товаров приходилось 47 видов (ткани, одежда и изделия из тканей, меха и выделанные кожи и пр.). Калмыцких товаров было 28 видов (мех, одежда, скот и пр.), китайских — 12 (ткань, одежда и чай), арабских — 2 (выбойки и завесы) [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

Определяя значение отдельных групп восточных товаров в Сибири, необходимо подчеркнуть особую роль тканей, ибо сюда бухарские караваны не приходили без восточных тканей. Как предмет первой необходимости ткани пользовались широким спросом со стороны всех слоев сибирского общества. Предпочтение, оказываемое сибиряками хлопчатобумажным тканям по сравнению с льняными, шелковыми и пеньковыми, определило и их преобладание в поступлении тканей с Востока. Так, если за рассматриваемые годы всего было вывезено в Сибирь среднеазиатских, арабских и китайских хлопчатобумажных тканей 885 276 аршин, то всех остальных — только 104 481 аршин [см.: Там же].

Самые крупные караваны приходили в Тобольск в 1639—1655 гг., а наиболее мелкие в 1656—1674 гг. [см.: Бакланова, с. 137]. После 1674 г. приход в Тобольск среднеазиатских торговых караванов прекратился (вместо них стали приезжать лишь отдельные купцы), что было связано с частичным переносом восточной торговли из Тобольска на Тару и Ямышевскую ярмарку.

В период с 1672 по 1700 г. на Тару пришло 9 торговых караванов, чаще всего они приходили в сентябре и октябре [Там же, с. 151]. Часть их вообще не входила в пределы Сибири, ограничиваясь распродажей китайских и иных товаров на Ямышевской ярмарке.

В российском вывозе с Ямышевской ярмарки основное место принадлежало китайским товарам (китайки, дабы, камки, лауданы, атласы, бархаты, бумажные кушаки, чай, бадьян). В начале XVIII в. таможенные пошлинные сборы Ямышевской ярмарки (3 тыс. руб.) почти равнялись сборам Ирбитской ярмарки (3317 руб. 8 алт.) [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

Распродав товары, среднеазиатские купцы и калмыки отправлялись прямо в Среднюю Азию, Джунгарию и Китай, чтобы на следующий год снова прийти с восточными товарами. Вместе с ними уходили и российские купцы, которые вели непосредственную торговлю с Китаем, Джунгарией и Бухарой. В 1685 г. в Джунгарию и Китай с Ямышевской ярмарки ушли 48 российских купцов.

В 1670-е гг. появились правительственные ограничения частной торговли (указы 1672, 1678 гг.), обязательным стало получение проезжих грамот в Сибирском приказе. Желая обойти эти ограничения, некоторые из бухарских купцов вообще не появлялись с китайскими товарами в пределах Сибири. Они обменивали китайские товары прямо у Ямыш-озера и оттуда, не заходя в Сибирь, снова отправлялись в Китай. Такую посредническую деятельность вел в 1679—1685 гг. Дмитрий Константинович Гречанин. Попавшись в 1685 г. на нарушении этого ограничения, он, по-видимому, получил защиту от Остафья Филатьева, заинтересованного его торговой предприимчивостью. По крайней мере, в 1689 г. Дмитрий Константинович в качестве гостя О. Филатьева приходит

в Тобольск с китайскими товарами «из Калмыцкой земли через Ямыш-озеро» [Акты Московского государства, с. 214].

Отдавая должное бухарским торговцам, неверно было бы думать, что русское купечество, развернувшее в Китае широкие экономические операции сразу же после подписания Нерчинского договора, не было знакомо с китайскими рынками. Сохранившиеся с XVII в. описания Китая и различные «дорожники» обязаны своим появлением не только членам официальных русских посольств в Китай, но и рядовым русским людям — торговцам, промышленникам и служилым людям. Их практические знания и наблюдения использовались, например, при составлении карты Сибири тобольским воеводой П. Годуновым, черпавшим сведения о Китае «от знающих людей». Можно считать, что дополнения, составленные по распоряжению митрополита Тобольского и Сибирского Корнилия в 1673 г. к тобольской редакции Книги Большому Чертежу И. Ремезова, основывались на материалах далеко не одних русских торговых представителей.

Важно подчеркнуть, что в этой редакции описаны все те пути в Китай, которыми пользовались много позже. Прежде всего очень подробно обрисован путь по Иртышу, мимо Ямыш-озера и далее через Джунгарию; отмечен путь через степи Северной Монголии и, наконец, через Нерчинск.

По этим путям устанавливались непосредственные торговые связи с Китаем с середины XVII в. О наличии китайских товаров на российских рынках свидетельствуют сообщения западноевропейских путешественников, посещавших Россию в это время. Кроме различных китайских тканей, в быту московской знати к 1680 г. были распространены дорогие китайские безделушки, украшения, посуда [см. об этом: Бакланова, с. 80, 97, 99; Курц, 1915, с. 553–554; Алексеев, с. 134].

Для того чтобы показать значимость торговых маршрутов и динамику их смещения на протяжении XVII в., рассмотрим каждый из них в отдельности. Добраться до Китая можно было разными путями. Все они проходили через Тобольск, который в XVII в. превратился в своеобразный перевалочный пункт русско-китайского торгового оборота.

Во-первых, это Туркестанская дорога, проходившая через такие города, как Тобольск, Туркестан, Бухара, Пекин, Сучжоу и занимавшая около 4,5 месяцев. В роли импортеров здесь выступали казанские татары, посадские люди, юртовские бухарцы и среднеазиатские купцы. Заметим, что господствующее положение занимало среднеазиатское, а не российское купечество. Интенсивность торгового движения с китайскими товарами по Туркестанской дороге в течение 1639–1695 гг. неуклонно снижалась, что было связано с переносом торгового движения на другие дороги, которые осваивались по мере продвижения русских вглубь Сибири. Основной импорт товаров по этому маршруту включал в себя в 1639–1649 гг. зендени; в 1649–1659 гг. — китайки и копытчатый ремень; в 1656–1695 гг. — одни китайки [см.: Вилков, 1990, с. 132].

Собственно русское купечество в ввозе китайских товаров в Тобольск по этой дороге не участвовало до 50-х гг. XVII в. Доля его участия начинает возрастать лишь с 1654–1655 гг.

Заметим, что в течение 1639—1695 гг. интенсивность торгового движения с китайскими товарами по Туркестанской дороге в целом постепенно снижалась. Это было связано с переносом торгового движения на другие дороги³. Таким образом, можно сказать, что во второй половине XVII в. Туркестанская дорога утратила почти всякое значение в торговых связях Тобольска с Китаем.

Наиболее ярко представляется движение по Ямышевской дороге. Торговые люди, желавшие попасть в Китай, не заезжая в Туркестан и Бухару, поднимались вверх по Иртышу до Ямыш-озера, а затем ехали на телегах до урочища Семи Палат, затем вверх вдоль р. Чар-Гурбан, через хребет Халма, далее по рекам Бекони и Чегуляка в Зайсанскую котловину, по р. Кабарга, Базар вдоль северной подошвы хребта Тарбагатая до горного прохода Хамар-Табан, далее до р. Илгель, через Шары-Хулусан, западные остроги хребта Сауры на оз. Халтаргаш-Иге, реке Иля, г. Урга на р. Текес. Весь этот длинный путь караван проходил за 60 дней [см.: Бакланова, с. 54].

Этим участком пути от Тобольска до хребта Тарбагатай при своем продвижении в Китай в 1654—1656 гг. воспользовался и Федор Исаакович Байков. Успех путешествия Ф. И. Байкова в Китай в немалой степени зависел от того обстоятельства, что местность, по которой ему предстояло пройти до Монгольского Алтая, уже была хорошо разведана русскими. В конце XVI — начале XVII в. русские были хорошо знакомы с окрестностями Ямыш-озера.

Открытая Ф. И. Байковым Ямышевская дорога привлекла внимание российских торговых людей, и они стали часто пользоваться ею при торговых поездках в Китай. В 1658—1662 гг. по ней в Китай ездили тарский сын боярский Иван Перфильев и тобольский юртовский бухарец Сенткуль Албин.

В начале 70-х гг. XVII в. открытая Байковым трасса была хорошо освоена российскими торговыми людьми. На прохождение ее от Тобольска до Пекина через Тару, Ямыш-озеро и т. д. требовалось всего 40 недель и несколько дней [см.: Вилков, 1990, с. 54].

Функционирование Ямышевской дороги как артерии, питавшей Тобольск китайскими товарами, было интенсивно: в 1668—1669 гг. — 37 партий китайских товаров; в 1669—1670 гг. — 15 партий; в 1670—1671 гг. — 21 партия; в 1676 г. — 13 партий; в 1683—1684 гг. — 13 партий; в 1686—1687 гг. — неизвестное количество партий; в 1694—1695 гг. — привоза не было; в 1703 г. — 23 партии [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

По отношению к китайским товарам, поступавшим в Тобольск по всем дорогам, и пошлинам на них это составляло: по количеству явок в среднем более 80 % всего привоза; а по стоимости ввезенных товаров — более 95 % [см.: Вилков, 1990, с. 35]. Следовательно, Ямышевская дорога на долгое время монополизировала ввоз китайских товаров в Тобольск.

³ Для сравнения: в 1639 — 1658 гг. на долю Туркестанской дороги приходилось 100 % поступавших в Тобольск китайских товаров, в 1658 — 1703 гг. — уже не выше 2,1 % [см.: Вилков, 1990, с. 36 — 37].

В импорте китайских товаров в Тобольск по Ямышевской дороге участвовали не только казанские и тобольские татары, тобольские служилые люди, посадские люди, бухарцы и среднеазиатские купцы, как это было на Туркестанской дороге, но и важские, вятские, лальские, московские, сольвычегодские, великоустюжские, яренские и ярославские привилегированные и непривилегированные торговцы, енисейские посадские люди, ирбитские, ницынские и суздальские государственные и частновладельческие крестьяне, тарские и уфимские служилые люди. Таким образом, по сравнению с Туркестанской дорогой Ямышевская дорога отличалась более сложным составом импортеров китайских товаров в Тобольск.

В провозе китайских товаров в Тобольск по Ямышевской дороге до 1670-х гг. господствовали среднеазиатские купцы: ими было привезено в 1668—1669 гг. 24 партии китайских товаров; в 1669—1670 гг. — 15 партий; в 1670—1671 гг. — 18 партий, а российскими, в свою очередь, в 1668—1669 гг. — 9 партий; в 1670—1671 гг. — 3 партии [см.: РГАДА, ф. 108, оп. 1—2].

По данным на 1703 г. среднеазиатские купцы являли в Тобольске по «ямышевским отпискам» лишь три партии китайских товаров, а российские — 20 партий. В этом же году, по подсчетам О. Н. Вилкова, на Ямышевской ярмарке было явлено для продажи китайских товаров на сумму 17 093 руб. [см.: Вилков, 1990, с. 132, 141]. Видимо, в конце XVII в. среднеазиатские купцы стали продавать китайские товары не столько в самом Тобольске, сколько у Ямыша-озера.

По совокупной стоимости привезенных в Тобольск по Ямышевской дороге в 1668—1703 гг. китайских товаров первое место среди торгового люда Европейской России занимало купечество центра, второе — купцы Поморья, третье — Поволжья, четвертое — Приуралья. На первом месте среди российских городов, ввозивших китайские товары по Ямышевской дороге в изучаемый период, стоит Тобольск, на втором — Москва, на третьем — Казань, на четвертом — Устюг Великий, на пятом — Ярославль. Удельный вес остальных городов был незначителен.

Среди ввозимых частными торговцами в Тобольск по Ямышевской дороге китайских товаров первое место в течение всего рассматриваемого периода занимают китайские хлопчатобумажные ткани (62—98 % всего тобольского импорта). Шелковых тканей импортировалось немного (4—28 %) [см.: Вилков, 1990, с. 43]. На втором месте по удельному весу — продовольственно-лекарственные товары. В казенном импорте преобладали шелковые ткани, серебро, ценные вещи и «диковинная» пушнина. Ямышевская дорога играла важную роль в русско-китайской торговле вплоть до открытия Н. Г. Спафарием более удобного пути через Нерчинск.

Так называемая Томская дорога пролегла из Тобольска в Китай через Томск. Дорога шла через Шорию и Абаканский хребет, переваливала через Западные Саяны, самый западный хребет Хангая (Ханхухэй) и хребет Болнай. Повернув на восток, оказывалась у Каракорума, а затем, повернув через некоторое время на юго-восток и пройдя пустыню Гоби, выходила к Калгану, от которого было недалеко и до Пекина. Открывшие этот путь в 1618 г.

сибирские конные казаки Иван Петлин, Андрей Мундов и Петр Кызылов затратили на его прохождение от Томска около четырех месяцев, а в обратном направлении, двигаясь зимой, — около восьми. Позже, в начале 1680-х гг., караваны проходили этот путь за 9–10 недель [см.: Там же, с. 131–132].

По отношению ко всему тобольскому ввозу китайских товаров по всем дорогам ввоз товаров через Томск, Кузнецк и Красноярск составлял: в 1668–1669 гг. — 0,1 % (на 39 руб. из Томска); в 1675–1676 гг. — 6 % (на 84 руб. из Томска и Кузнецка); в 1686–1687 гг. — 3,5% (на 826 руб. из Томска, Кузнецка и Красноярска) [см.: Вилков, 1990, с. 78–113]. Эти данные свидетельствуют о том, что импорт китайских товаров по Томской дороге был весьма незначителен, и поэтому активного движения по этой дороге не наблюдалось.

Имелся еще один путь — Селенгинская дорога (через Селенгинск), основанная в 1666 г. От Селенгинского острога путь на Пекин лежал через Кяхту, Угру, монгольские степи и пустыню Гоби. Этим путем впервые проник в Среднюю империю в 1674 г. караван служилых и торговых людей во главе с боярским сыном Иваном Поршениковым и человеком гостя Филатьева Гавриилом Романовым, разрушив тем самым легенду о непроходимости монгольских степей. На этот путь от Тобольска до Пекина через Селенгинск требовалось 4–8 месяцев.

Поступление китайских товаров через Селенгинск в Тобольск прослеживается лишь в 1675–1676, 1683–1684, 1686–1687 гг. [см.: Вилков, 1990, с. 158]. Ввоз осуществлялся сибирскими торговыми служилыми людьми. При этом господствующее положение в импорте занимали не хлопчатобумажные, а шелковые ткани.

Селенгинская дорога не пользовалась популярностью среди торговых людей, вероятно, ввиду большой опасности со стороны степных кочевников, а также малоизученности маршрута.

По Нерчинскому пути торговые люди, желавшие проехать в Китай через Нерчинск, основанный в 1653 г., должны были, не заходя в Селенгинск, идти берегом реки Уды к трем Еравнинским озерам, чтобы затем, миновав оз. Телембы и выйдя на речку Читку и на реку Ингоду, в которую она впадает, попасть на Шилку, а по ней и к Нерчинску. От Нерчинска до Пекина можно было пройти двояко: или сухопутным путем через реки Шилку, Унду, Газимур, Барзю на город Цурухайтуй, или же водою — по рекам Шилке и Аргуни. От Цурухайтуй путь лежал через города Цицикар, Гири, Мукден, Цзиньчжоу и Шаньхайгуань. На прохождение пути от Нерчинска до Пекина требовалось около полутора месяцев. По сравнению со всеми другими сибирскими дорогами в Китай эта дорога имела наибольшие преимущества, так как, проходя этот путь, можно было найти, как говорил Н. Г. Спафарий, «везде воду, реки и лес», не опасаться никакого нападения на дороге и «не давать ни которому тайше поминков», в силу чего «вся корысть в Китайском торгу останется русским человеком, а не иноземцам» [Спафарий, с. 172].

Отсюда ясно, что именно Нерчинская дорога сделалась официальной дорогой в Китай, по которой долгое время велись все дипломатические и торговые сношения.

Б. Г. Курц отмечает, что разведывание этого маршрута в Китай началось русскими сразу же после основания Нерчинска в 1653 г. [Курц, 1929, с. 117]. Но первыми людьми, о которых стало известно, что им удалось попасть в Пекин этим путем, были нерчинские служилые люди Василий и Игнатий Миловановы, Антон Хилев, Григорий Кобяков, побывавшие там послами в 1670 г. В 1675 г. со свитой в 150 человек ходил Николай Гаврилович Спафарий послом в Китай для улаживания недоразумений на приамурской границе и развития торговых сношений с этой страной. В 1693 г. проследовал через Нерчинск в Китай русский посланник Избранд Идес вместе со 175 служилыми, торговыми, промышленными и работными людьми. На обратной дороге из Пекина в Нерчинск он встретил русский частный караван в 150 человек [см.: Там же, с. 67].

О размерах русско-китайской торговли через Нерчинск можно судить по следующим данным. В 1694 г. торговым караваном Избранда Идеса было вывезено из Китая в Сибирь через Нерчинск казенных китайских товаров на 12 тыс. руб., а частных товаров — на 38 тыс. руб. [Идес, Брант, с. 264].

Из экспедиций 1695 и 1696 гг. было доставлено в Москву в 1698 г. гостю Никитину китайских товаров на 32 140 руб. 44 коп. по московской оценке [Там же].

В 1699 г. было вывезено из Китая в Сибирь через Нерчинск казенных китайских товаров на 65 тыс. руб., частных товаров — на сумму около 52 тыс. руб., а в 1701 г. соответственно — на 76 тыс. руб. и на 39 620 руб. [Там же, с. 48].

Что касается привоза китайских товаров из Нерчинска в Тобольск, то первые известные нам поступления этого рода зафиксированы тобольскими таможенными книгами 1669 г. [см.: Вилков, 1967, с. 81]. Здесь господствующее положение, как и во ввозе через Селенгинск, занимали шелковые ткани.

Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что в течение 1639—1703 гг. торговое движение с китайскими товарами постепенно перемещалось с юго-западных дорог на юго-восточные, а именно с Туркестанской на Ямышевскую, а с Ямышевской на Селенгинскую и Нерчинскую. Перемещение сопровождалось переходом господствующего положения в торговле от среднеазиатского купечества к российскому.

Оседание бухарцев в Сибири, начавшееся еще до Кучума, продолжалось при нем и не прекращалось в последующее время. Русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с восточными странами, благосклонно относилось к бухарцам, переселявшимся на постоянное жительство в Сибирь. Более того, оно стимулировало это переселение различными льготами. Переселившиеся сюда на постоянное место жительства бухарцы освобождались от тягла и оброков. Грамотой Михаила Федоровича от 3 ноября 1644 г. им было обеспечено содействие властей и неподсудность при торговых поездках «на Русь» [Акты Московского государства, с. 311]. С них была снята ямская повинность. Они не платили выдельного хлеба, не несли повинностей с посадскими людьми. Грамота 1686 г. давала им право проезда по русским городам и слободам вплоть до Архангельска и Астрахани и свободу от суда, кроме уголовных дел.

Борьба России с Кучумом привела к некоторым перебоям в торговле Западной Сибири со Средней Азией, а через нее и с Китаем. Особенно пострадали в этом отношении области, занятые русскими, так как Кучум, не желая усиления своих противников, не пропускал направлявшихся к ним бухарских купцов. Понимая всю важность поступления восточных товаров, в т. ч. и китайских, русское правительство решило способствовать пополнению этими товарами Сибири путем предоставления торговых льгот главным поставщикам этих товаров в то время — среднеазиатским купцам.

И только в 1693 г., в связи с увеличивающейся ролью российского купечества в снабжении Сибири, русское правительство сочло нужным оставить «двадцатую» пошлину лишь для вновь приезжавших в сибирские города торговых бухарцев, а для тех, которые «после первых приездов станут приезжать впредь для торгов же, “пошлину иметь” против русских торговых людей», т. е. «десятую».

Таким образом, правительство, проводя свою восточную торговую политику, ориентировалось не столько на поддержку собственно русского купечества, сколько на опытных бухарских торговцев. Однако нельзя оставить без внимания тот факт, что с 1690-х гг. государство стремится поставить восточную торговлю под свой контроль и передать привилегии отечественным торговцам. В то же время это не означает, что бухарское купечество перестает играть заметную роль в связях России со Средней Азией и Китаем. Бухарцы, хорошо знающие китайские и среднеазиатские рынки, торговые маршруты, языки, обычаи и традиции местных народов, входили практически в каждый торговый караван, отправлявшийся в Китайское государство.

Акты исторические. Т. 4. СПб., 1842. 598 с.

Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1896. 742 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1, ч. 21. Иркутск, 1936.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // *Очерки по истории торговли и промышленности России в XVII и в начале XVIII столетия.* М., 1928. С. 79–103.

Валеев Ф. Т. Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. 16 с.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVII в. Новосибирск, 1990. 368 с.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. 323 с.

ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. 563 с. ; Т. 4. М. ; Л., 1945. 443 с.

Идес Избрант, Брант Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / пер. с нем. М. И. Казанина. М., 1967. 403 с.

Куриц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI и XVIII вв. Харьков, 1929. 160 с.

Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. 589 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. ; Л., 1941. 686 с.

РГАДА. Ф. 105 (Сношения России с Бухарой); Ф. 108 (Тобольская приказная изба).

Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. 516 с.

Статья поступила в редакцию 13.05.2011 г.